ГК1935
В451

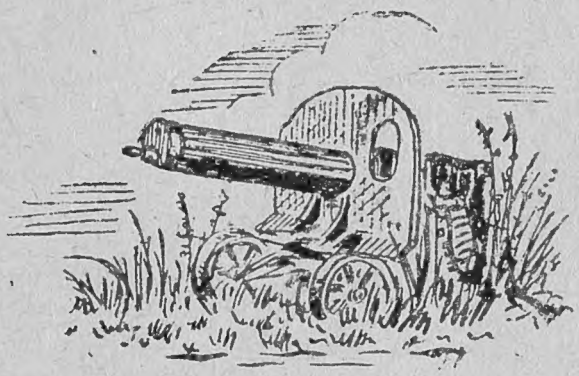
А. ВЕРЕСОВ

НА БОЕВЫХ РУБЕЖАХ ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИЗДАТ
1 9 4 2

А. ВЕРЕСОВ

НА БОЕВЫХ РУБЕЖАХ ЛЕНИНГРАДА



ЛЕНИНГРАДСКОЕ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

1985

18

FK1935
B451

542853

ПАРТБИЛЕТ

ПАРТИЙНЫЙ билет большевик хранит как самый дорогой документ. Мы видели партбилет, обагренный кровью его обладателя — большевика лейтенанта Швыряева, погибшего от раны в грудь. Последним его движением было — рука к сердцу и последним словом — „партбилет".

В билете нашли листок почтовой бумаги, это было письмо к жене и сыну, написанное перед боем. Лейтенант писал:

„Иду в бой. Иду полный веры, что враг будет уничтожен. Да восторжествует полная победа русского народа. Если вы, мои родные, получите это письмо, встретьте его мужественно. За свободу отечества, за ваше счастье, не пожалею жизни".

Это слова настоящего коммуниста, в груди которого билось благородное сердце, и который носил партбилет с честью.

Величественный образ лейтенанта Швыряева, человека высокого мужества поднимался в сознании, когда группа бойцов у стола, покрытого красным сукном, получала партийные документы.

Здесь было много молодежи, закаленной войной, с суровыми обветренными лицами. Некоторые не

успели отмыть серый налет с ладоней: они только что вышли из боя.

В нескольких сотнях метров к западу шло сражение. Сюда доносились гулкие раскаты канонады, грохот пулеметных очередей.

Знаменательный, навсегда памятный день. С какой гордостью эти люди впоследствии, когда придет время для воспоминаний, скажут:

— Коммунистом я стал в бою.

В партию приходят люди разными путями, но всегда — это путь зрелости и духовного возмужания. Право быть большевиком завоевывается в борьбе.

Право это заключает в себе и великое обязательство: до последней капли крови защищать Отечество.

Партийные документы получают бойцы и командиры Н-ской части Красной Армии. Первым его получает Иван Добрик, герой — истребитель фашистов. Как сын украинского народа он мстит врагам за свой дом, за свою семью, за родную Украину.

Принимают партийные билеты: младший командир Евгений Николаев, молодой, но прославленный воин. В бою за пункт Н. он уничтожил 104 фашистов; боец Иван Глутов, беззаветной отвагой в боях заслуживший честь быть в рядах партии.

Партийные документы вручаются герою ночного боя — Серго Казарьяну и храброму разведчику Евстафию Котельникову.

Бойцы один за другим подходят к столу, поставленному на бровку траншеи.

— Будьте достойны боевой славы коммунистов, — говорит командир.

Воинские традиции коммунистов-фронтовиков — это традиции мужества и бесстрашия. На высоких при-

мерах подвигов командиров Куценко и Лапко, сержантов Карпова и Владимирова бойцы учатся, как надо драться за Родину. На передовой линии фронта, в отважной разведке и в лихой атаке, у пулемета и на снайперской позиции, в орудийном расчете, на минном поле, — везде коммунисты показывают пример самоотверженного выполнения долга перед Отечеством.

Новый отряд молодых большевиков примыкает к отважной когорте фронтовых коммунистов.

Бойцы уходят, бережно унося партийные документы. Навсегда запомнят они обращенные к ним напутственные слова:

— Вы выполняли свой долг перед Родиной как граждане и как воины. Теперь вы будете выполнять его и как большевики. Это значит, что нужно еще беспощадней уничтожать немецких оккупантов, всегда быть впереди.

Бойцы и командиры уходят на передовые позиции. Впереди тяжелые бои, суровые испытания. Через эти испытания они с честью пройдут под знаменем Ленина — Сталина к победе над немецко-фашистскими варварами.

ФРОНТОВИКИ

Мы вверили себя воинской судьбе, накрепко сдружились с оружием, тесная землянка заменила нам родной дом.

За плечами у нас походные ранцы, а перед глазами — суровая дорога войны, которую нужно пройти доблестно и бесстрашно.

— Так ли говорю? — спросил командир.

— Так, — твердо сказал Чернышев, пригладив ладонью жесткие, густые усы.

— Это верно, — подтвердил Котельников, сохраняя раздумье в глубоких темных глазах.

Чернышев разлил кипяток в манерки и разломил сухарь на три части. Котельников затянулся последний раз и передал самокрутку товарищу. Глинистая, размытая дождем земля сползала со стен траншеи и рыжими пятнами липла к сапогам и шинелям.

Евстафий Котельников по своим годам мог быть сыном Григорию Чернышеву. Смотришь на них, стоящих рядом, — юношу и зрелого мужа, и невольно спрашиваешь себя: что сроднило их?..

Молодой уральский тракторист Котельников и пожилой ленинградский рабочий Чернышев глубоко поняли опасность, угрожающую Родине.

— Если Гитлера не прогоним с нашей земли, — говорит Чернышев, — тогда какой же смысл жить?

— Правильно. Чтобы жить, нужно победить.

Двадцатилетний боец Котельников и пятидесятилетний боец Чернышев вступали в партию большевиков в одно время. Это было грозное время 1941 года, когда враг бешено рвался к Ленинграду.

Принимая партийный документ, Котельников сказал:

— Став коммунистом, я обещаю партии и Родине воевать с врагом бесстрашно и мужественно, как подобает большевику.

Чернышев слышал эти слова и подтвердил их:

— Очень хорошо говорил товарищ Котельников, мне нечего добавить.

И они выполнили свои слова большевиков.

* * *

Чернышев, вскоре после того как его приняли в партию, шел в бой.

Перед самым выступлением коммунисты провели партийное собрание на-коротке. Уже темнело. Трудно было различить лица собравшихся. Условились, чтобы при прорыве к немецким траншеям, как бы ни был силен огонь, не ложиться на землю, в самых окопах действовать решительно и смело, если придется отходить, — раненых и убитых вынести до единого.

Через час наши бойцы вступили в жестокий рукопашный бой с немцами.

Чернышев первый вбежал в землянку. Он увидел вражеского офицера и нескольких солдат.

Не первый раз Григорий Чернышев сталкивался лицом к лицу с немцами. Еще в 1914 г. он прошел

огонь войны против немцев. В одном из боев попал в плен, его держали в Баярском лагере. Немцы относились к русским пленным хуже, чем к животным. Немецкий офицер палкой перебил Чернышеву позвоночник за то, что он посмел попросить кусок хлеба. И сейчас, больше двух десятилетий спустя, этот зверский удар дает себя знать. Пришло время постоять за Родину, свести старые счеты с немчурой.

Чернышев бил немцев на-смерть, видел как громят врага и его товарищи, обещания которых слышал час назад на партийном собрании.

Старший сержант Журавлев один бился с четырьмя гитлеровцами. Старшина Дегтярев спешил к нему на помощь, по пути срезав двоих фашистов из автомата. Парторг Щеглов уложил в этом бою девять немцев.

Так бьют врага коммунисты. Чернышев, солдат двух мировых войн, гордился тем, что он сражается в одном ряду с храбрыми большевиками.

* * *

Безлунной ночью полувзвод продвигался к немецкой траншее. Позади остались рогатки заграждений. Сержант Климов шопотом передал по цепи команду:

— Котельников, вперед!

Евстафий Котельников славился боевой дерзостью, он уже десятки раз бывал в траншеях противника, гранатой и меткой пулей уничтожил около сотни фашистов. Не отделяясь от земли, Котельников пополз к едва чернеющей линии вражеской траншеи: приподнял голову, огляделся, навстречу шевельнулось дуло пулемета. Котельников метнул гранату и сквозь дым и пыль, поднятые взрывом, бросился в траншею.

Оглянувшись на ходу, увидел как товарищи с изготовленными к бою автоматами бежали вслед за ним.

Он ринулся туда, откуда слышались частые пулеметные очереди. Взрыв потряс землю, и пулемет замолчал.

Котельников спешил дальше. Прямо на него, толпясь в тесном проходе, шли семь гитлеровцев. Они заметили бойца и намеревались взять его живым. Но Котельникова и на этот раз выручила его боевая дерзость. Вздумай он отступить, его постигла бы неминуемая гибель. Смелый боец решил драться.

Две гранаты полетели в фашистов, и разорвались с необычайной силой. Осколки просвистели над головой припавшего к земле бойца.

Смахнув с лица слой пыли и грязи, Котельников увидел двоих удиравших фашистов. Он бросился за ними, крича единственные слова, которые знал по-немецки:

— Хальт!.. Хенде хох!.. Гады!..

Гнался долго, но, так как немцы бежали очень прытко, а у Котельникова в обойме оставалось всего два патрона, он остановился. И с удивлением заметил, что кругом тишина, а он — один в немецкой траншеи! Значит — увлекся, от своих оторвался. Вылез из траншеи, отполз в сторону, залег за бугор, чтобы отдышаться и обдумать, как действовать дальше.

Невдалеке били пулеметы, устанавливая отсечный огонь. Над Котельниковым замелькали огненные черточки трассирующих пуль. Пулемет находился совсем близко.

— Отсюда не уйдешь так просто, — подумал Котельников и, быстро приняв решение, двинулся на

пулемет, различил два силуэта в касках и послал в них пулю за пулей. Огневой каскад угас.

Боец во весь рост метнулся к проходу в проволочном заграждении. Сразу затараторили пулеметы, гулко взорвались мины. Котельников упал и пополз, сказав вслух;

— Ну, теперь я ушел.

* * *

В землянке было тихо. Бойцы молча чистили крепко пахнущие порохом дула автоматов. Один сказал, тяжело вздохнув:

— Видно, погиб друг наш, Евстафий...

Сержант Климов поднял голову, опущенную на руки, и сказал:

— Сколько раз я говорил ему: слишком в тебе много дерзости. А он бывало смеется и все свое упрямо твердит: „Дерзость в бою — великое дело".

— Говорил и теперь говорю! — с улыбкой поглядывая на удивленных товарищей, сказал Котельников и перешагнул порог землянки.

БОЕВАЯ НОЧЬ

В ЧЕТВЕРТОМ часу пополуночи небо прочертили одна за другой красная и зеленая ракеты. Вскоре в землянку Казарьяна вбежал боец и сообщил о появлении немцев. Кровь текла из его пораненной головы и застилала глаза, но он, перезарядив на ходу винтовку, вместе со всеми выбежал из землянки навстречу врагу.

Командиры Соломидин и Петров быстро расставили силы для обороны. Они подпустили фашистов на расстояние гранатного удара и обрушились на них всей огневой мощью своих подразделений.

Закипел бой.

Красноармеец Серго Казарьян метал гранату за гранатой в гущу врагов. С каждым взрывом он выкрикивал на своем родном языке что-то веселое и гневное. Серго хороший снайпер, на его счету 59 уничтоженных фашистов. Через оптический прицел он выслеживал их за сотни метров и слал верную пулю. А вот так близко, лицом к лицу Казарьян впервые видел врага и крушил его во всю богатырскую силу своих рук.

Невдалеке бились с другой группой фашистов минометчики младшего лейтенанта Карсбека Егимбаева.

Они приняли бой на короткой дистанции, которая не позволяла ввести в действие минометы. Минометчики ринулись на врага с гранатами и винтовками.

Фашисты ползли по гребню высотки, которая то и дело освещалась заревом ракет. Бойцы отлично видели цель и били без промаха. Враг не выдержал натиска и стал отступать. Егимбаев крикнул командирам минометных расчетов, чтобы они открыли отсечный огонь. Младший лейтенант решил не выпускать фашистов живыми.

Десятки бойцов соединили силы, чтобы сокрушить противника. В одном строю дрались русские, украинцы, белоруссы, казахи, армяне...

Защитники Ленинграда. Здесь, на подступах к великому городу, они защищают отчий край. Они знают, что нужно одержать победу здесь и всюду, где кованый сапог немца ступает по земле нашей родины. Только тогда советские люди вздохнут свободно.

Так крепче удар по фашистам! Во славу советского оружия, во славу нашей родины, смерть врагу!

— Вперед! — крикнул командир Владимир Лапко, бросаясь в самую сечу, где трудно дышать от порохового дыма.

— Вперед, братья! — зовет лейтенант Виктор Барабаш, наседая на плечи отступающих немцев.

Лихо погнали гадов. Немцы бежали, бросая под ноги автоматы и винтовки. Но пули наших бойцов настигали немцев и они падали, орошая кровью обнаженную от снега землю.

Опрокинули, погнали их на минное поле. Загремели взрывы, поднялись багровые огневые сполохи. Немногие фашисты унесли ноги.

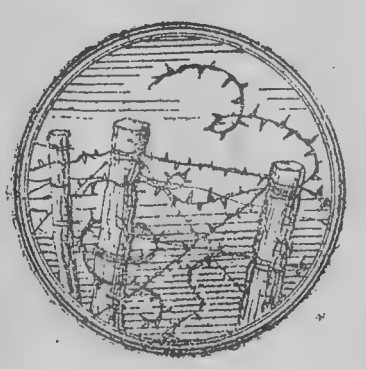
Владимир Лапко пристально вглядывался в темноту. Его зоркие глаза различили в центре минного поля беспомощно метавшуюся тень.

— Никак фриц застрял между „погремушками", — сказал он Барабашу.

Лапко попросил разрешения у комбата добыть „языка". Путь предстоял через густо минированную луговину, из-за темноты надо было идти наощупь.

Владимир Лапко приказал пулеметчикам прикрывать его огнем и двинулся вперед. Рядом с ним следовал Виктор Барабаш. Они нащупывали на земле холодные корпуса мин и осторожно откладывали их в сторону. Опасность подорваться на минах была велика, но храбрецы преодолели ее.

Рано утром они привели на командный пункт „языка",—это был ефрейтор немецкой армии.



ЦИФРЫ В ТЕТРАДИ

БЕЛЫЕ брови шевельнулись на загорелом, обветренном лице Ивана Добрика. В серых, очень смелых глазах сверкнула веселая искра. Добрик упрямо сказал:

— Мне нечего говорить о себе. Здесь вот — вся моя жизнь.

Тетрадка была испещрена лаконичными записями, состоявшими почти из одних цифр. Добрик сказал правду. В этой тетрадке — вся его боевая жизнь, — трудная, полная опасностей жизнь истребителя.

На огневой позиции в бою нет времени для литературных упражнений. Вот почему записи в тетради так коротки. Попытаемся раскрыть то, что кроется за цифрами в тетради истребителя Ивана Добрика.

4

Они жили в одной землянке, Касевин и Добрик. Оба были истребители. Касевин стрелял из снайперской винтовки, а Добрик из драгунки. У каждого на счету — по несколько десятков уничтоженных фашистов.

Утром на рассвете Касевин разбудил приятеля:

— Пошли!

Залегли в высохшем кустарнике. Справа белела дорога, слева виднелось поле. Долго лежали, выжидая.

На поле появились женщины с мешками, стали копать землю. Добрик опустил винтовку. Касевин дал ему взглянуть в свой оптический прицел. Впереди было несколько фигур, одетых в женское платье. Добрик различил под сарафаном солдатские сапоги и брюки зеленого сукна.

Добрик прицелился и выстрелил четыре раза, и четыре фигуры одна за другой упали на землю. Остальные „ряженые" разбежались.

17

Несколько дней Иван Добрик был в тылу на отдыхе. В баню сходил, почистился. Вернулся на фронт и поскорее в землянку, к друзьям.

Место Касевина пустовало. В углу аккуратной стопочкой лежали книги. Снайперская винтовка висела на гвозде. Тревожно взглянул Добрик на соседа, тот молча отвернулся. Добрик понял все без слов... Нет друга...

Тяжело задумался Добрик. Потом снял винтовку с гвоздя и пошел к командиру.

...Удачную позицию нашел Добрик. Немцы строили мост через реку. Материал подтаскивали из тыла по тропинке, которая за поворотом круто обрывалась в глубокий овраг. Здесь-то и решил истребитель устроить немцам ловушку.

Показывается немецкий солдат на повороте тропинки, раздается выстрел, и фашист кувырком летит в овраг; спешит следующий фриц — летит туда же.

Главное в том, чтобы снять гитлеровца с первого выстрела, не дать ему вскрикнуть.

До сумерок бил Иван Добрик, а когда немцы обнаружили в овраге 17 трупов, он шагал уже к своей землянке.

3

Ветер рвет капюшон маскировочного халата. Пристально следит Добрик за немецкой дзот.

Вот в амбразуре шевельнулась марлевая занавесь, загрохотал пулемет.

Истребитель нацелился. Выстрел. Захлебнулась железная очередь. Долго молчал пулемет. Добрик взял на прицел подход к дзот. Два фрица, пригнувшись, бежали туда, но не добежали — свалились от пули советского снайпера.

Только приподнялся Добрик, чтобы размять онемевшую ногу, как воздушная волна опрокинула его навзнич. „Нашли, гады!" — мелькнула у него мысль. Мины рвались рядом.

Напрягая всю свою волю, контуженный Добрик пополз к землянке.

Выплевывая землю, набившуюся в рот, он сказал товарищам:

— Кто пойдет охотиться, — пусть меняет позицию чаще.

1

Это был сотый немец на счету Ивана Добрика. За ним он охотился целый день: видимо, против советского снайпера вышел опытный немецкий снайпер.

Поединок длился долгие часы. Часто слышал Добрик, как вражья пуля пела у самого уха. Прикинулся убитым. Немец приподнял голову — проверить, но тут-то его и настигла русская пуля.

2

542851

Большие события произошли в жизни Ивана Добрика. Считал он себя человеком неизвестным, бойцом, каких в Красной Армии множество. И вот его вызвали в город. Одетый в походную гимнастерку, которая всякие виды видала, смущенный стоял он перед Андреем Александровичем Ждановым. Люди в зале рукоплещут ему, молодому воину, а товарищ Жданов прикрепляет боевой орден к его гимнастерке и передает ему новенькую именную снайперскую винтовку.

— Родина награждает вас, Иван Добрик, — говорит товарищ Жданов.

Рассвет следующего дня застал знатного снайпера Добрика на фронте, на огневой позиции; из новой винтовки бил он фашистов.

— Ладная винтовочка,— сказал Иван Добрик, вернувшись с „охоты". — Сегодня Гитлер двоих холуев не досчитается.

Старую, унаследованную от Касевина, винтовку Добрик передал своим ученикам, а учеников у него много и у каждого открыт свой личный счет. Богачев истребил 27 фашистов, Мисенков — 14, Жулындин — 10.

3

Ждет Добрик писем от старика отца и сестренки Галины, ждет писем и с фронта — от братьев Николая и Даниила.

Нет писем... Лютуют немцы на родной Полтавщине. Братьям в боях писать недосуг, а может, и смерть приняли в битве...

Солнечно, торжествует природа, но не весело сердцу. На позицию!

...Добрик ползет к немецким траншеям, минует проволочное заграждение. Останавливается в нескольких десятках метров от траншей. Вот они, немцы, вот они гады, вот те, кого невозможно назвать людьми!..

Чтобы яблоневые сады в цвету стояли, чтобы сестра Галина веселыми глазами смотрела на мир, чтобы душа снова радовалась,— цельсь в самое сердце врага!

Три выстрела,— три трупа.

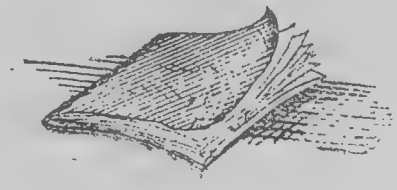
* * *

На последней странице простой ученической тетради в косую линейку карандашом отчеркнута жирная линия и под ней обозначен итог:

302

Триста двух фашистов истребил советский снайпер Иван Добрик.

...Счет растет, боевой счет, в каждой цифре которого — мера ненависти к врагу.



ФОРПОСТ

НОЧЬЮ в землянку пришел лейтенант с командного пункта и о чем-то долго совещался с сержантом.

На рассвете был отдан приказ: отделению находиться в боевой готовности. Стрелки заняли места в ячейках, пополнили патронташи, приготовили гранаты. Пулеметчики вышли на позицию.

Отделение сержанта Владимирова находилось впереди главных сил части: оно являлось как бы форпостом в этой равнине, поросшей убогим кустарником. Бойцы форпоста должны были предупредить командование о приближении противника и, в случае необходимости, принять на себя первый удар.

Самая напряженная боевая пора начинается с наступлением темноты. Ночью в окопе никто не спит. Каждый — начеку, неразлучно с оружием.

Владимиров обходит посты. Часовые в маскировочных халатах появляются из темноты неожиданно. Ночь скрадывает хорошо знакомые черты, только глаза настороженно поблескивают. Боец обменивается с сержантом несколькими словами, произнесенными шопотом, и снова исчезает в темноте, словно растворяется в ней.

Лишь к рассвету Владимиров находит несколько свободных минут, чтобы в углу землянки зажечь

коптилку и прочитать газету... Коптилка горит тускло, освещая молодое, с тенью усталости лицо сержанта. Владимиров читает жадно, вчитывается в каждое слово.

Но в эту ночь ему не довелось воспользоваться коротким досугом. Тревожные вести принес лейтенант с командного пункта... Прощаясь с сержантом, он его предупредил еще раз:

— Будьте внимательнее к левому флангу.

...День начался самым мирным образом. Все тот же порядочно наскучивший пейзаж простирался перед глазами. И кустики в лощине, и узкая, без единой колеи, дорога, уходящая к синеющему на горизонте лесу,— все было знакомо, обыденно и покоилось в утренней тишине. Но Владимиров не верил тишине. Он проверил у каждого бойца участок пристрела и всем приказал хорошенько наблюдать.

Во втором часу красноармеец Ручкин доложил:

— Товарищ командир, в поле зрения слева расчлененный строй пехоты.

Сержант навел бинокль: из-за мыса, образованного лесом, приближались вражеские цепи — одна за другой.

Немедленно на командный пункт был послан связной, а бойцам приказано:

— Стрелять по команде!

Сержант прикидывал количество подходивших немцев: сотня... другая... третья... Не меньше батальона. А у него — только двенадцать бойцов. Владимиров не колебался: у него был приказ принять бой и задержать противника во что бы то ни стало.

Между тем немцы приближались. Теперь все в окопе видели, как много их. Командир сказал спокойно негромко, но так, чтобы все слышали:

— Удержать рубеж надо непременно.

Владимиров внимательно глянул на лица товарищей, в которых прочел спокойствие, решимость. Он видел как двое бойцов обменялись неровно оборванными листками бумаги с наспех набросанными строчками. На одном была указана уральская деревня, на другом — улица и номер дома подмосковного города...

Немцы находились не дальше, как в полутораста метрах. Было слышно, как фашистский офицер что-то кричал, обернувшись назад.

Бойцы ждали распоряжения. Владимиров же поглядывал на остроугольный камень, наполовину ушедший в землю, и прикинул, что от камня до окопа около восьмидесяти метров. Когда офицер поровнялся с камнем, Владимиров скомандовал:

— По фашистам — огонь!

Дружно заработали винтовки и пулеметы.

Гитлеровцы отпрянули, однако быстро выровняли цепи и продолжали движение на траншею. Десятки фашистов корчились на земле в агонии. Немцы, шагая через них, стреляли беспорядочно и часто. Как и всегда, они старались устрашить своим видом и упорством движения.

Владимиров переходил от бойца к бойцу, ободрял, требовал хладнокровия и выдержки. Но преобладающий количественно враг продолжал наседать. Сержант сказал товарищам:

— Рубеж не покинем, уйти отсюда разрешаю только последнему, кто останется живым: пусть передаст в штаб документы и карты.

Во сто крат сильнее чувства опасности было желание честно и до конца выполнить свой долг перед Родиной, задержать врага. Одна только мысль, подав-

ляя все другие, владела сознанием командира: „прижать гитлеровцев к земле, остановить их, остановить во что бы то ни стало!“

Офицер подбежал совсем близко.

— Соколов! — крикнул сержант ручному пулеметчику.

Тот прочертил дулом короткую линию в воздухе, и офицер упал, вонзив в снег скрюченные пальцы. Сержант не отходил от пулеметчиков, направляя их стрельбу на цель. Пулеметчики вели непрерывный огонь. Казалось, мгновение отделяет от рукопашной схватки...

Цепи врага заметно редели. Наши залпы сбили фашистскую спесь. Немецкие вояки начали падать и поспешно выползать из зоны огня.

— Товарищи! — крикнул Владимиров, — мы приземлили фашистов. А ну, подадим им горяченького!

Гитлеровский батальон отходил и занимал оборонительную позицию. В это время подошло наше подкрепление. Оно расположилось крыльями, имея в центре уже закаленное боем отделение Владимирова.

На следующее утро прилетели немецкие самолеты, сделали заход над нашей обороной и сбросили бомбы. Фашисты рассчитывали, что имеют дело с крупной красноармейской частью и никак не могли предположить, что двенадцать советских бойцов остановили наступление нескольких сот немцев.

Раза два противник вылезал из своих траншей, но его снова загоняли в землю наши бойцы. Основательно потрепанный фашистский батальон больше не предпринимал значительных атак.

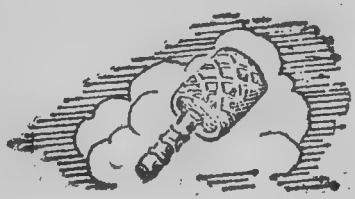
...Поздним вечерним часом сержант сидел в землянке.

Заскрипели ступени сходен. Вместе с облаком холодного воздуха появился лейтенант с командного пункта, —

тот самый, который недавно приходил сюда же предупредить об опасности... Владимиров поднялся. Лейтенант приказал собрать всех бойцов, свободных от наряда.

В полной тишине прозвучали в землянке слова приказа о присвоении воинских званий. Почти все бойцы отделения Владимирова с этой минуты становились командирами. Сержантами стали Соколов, Ручкин, Семенов... Владимирову было присвоено звание младшего лейтенанта.

Все они прошли лучшую командирскую школу,— на огневом рубеже, в боях.



ОГНЕВОЙ НАЛЕТ

МЕРНО стучат колеса. Вагон покачивается от быстроты движения. На столе старшего лейтенанта Михайлова лежит вскрытый пакет с боевым приказом: занять позицию в пункте М. После шести пристрелочных и корректировки произвести огневой налет на эшелоны и аэродром противника на станции К.

Старший лейтенант с таблицей логарифмов в руках высчитывает дистанцию.

Мчится состав. Свистит ветер за окнами.

У заместителя командира Загуменникова собрались коммунисты.

Присутствует почти в полном составе орудийный расчет. Все — коммунисты. Этот боевой коллектив создавался еще в первые дни войны. Тогда все вместе со своим командиром были комсомольцами.

— Тот, кто действует огнем, — говорил Загуменников, — не должен бояться огня, кто несет смерть врагу, не должен бояться смерти. Сейчас нужно разойтись по боевым постам. Помолчим минуту, подумаем о Родине, о Ленинграде, подумаем о своих близких...

Состав затормозил. Орудие заняло огневую позицию. Наводчики, вращая штурвал, нащупывали цель. Длинное стальное дуло шевельнулось и грозно замерло.

Лев Михайлов — замечательный артиллерист. Его грудь украшает орден. Сотни снарядов разрушительной силы послал он в стан врага. Но он всегда немного волнуется перед выстрелом.

В течение всего времени, что строилась эта огромной силы дальнобойная пушка, Михайлов был на заводе. Вместе со слесарями и сборщиками трудился над каждым болтом и гайкой, требуя тщательности в работе. Он же доставил это орудие и на Ленинградский фронт.

— Огонь!

Шесть выстрелов один за другим раскалывают воздух. Пристрелка дана, командир запросил корректировку.

В этот момент разорвался вражеский снаряд. Противник нащупал нашу позицию и открыл по ней ураганный огонь. Был убит Загуменников. Старшина Иосиф Боблевский бросился к нему, но упал, пораженный девятью осколками.

Пришлось переменить позицию. Около половины расчета выбыло из строя. Оставшиеся в живых, не ожидая команды, стали на свои места у орудий. Каждый был готов выполнять не только свои обязанности, но и обязанности тех, кого отвезли в лазарет.

Михайлов по телефону доложил на командный пункт о потерях и твердо заявил, что задача будет выполнена.

И орудие начало огневой штурм фашистской берлоги. Вспышки огня били в небо. Грохот стрельбы слился в сплошной гул.

Наводчик Алексей Юдин прижался спиной к кожаной стенке. Руки — на штурвале, взгляд — на стрелке, показывающей нужное деление. Держать цель, не выпускать ее из-под огня.

У Юдина четверо братьев воюют с немцами: Иван на берегу Дона, Александр и Николай в лесах Смоленщины, Василий на заполярных просторах. Он хочет, чтобы они услышали его; услышали бы и сказали: „лихо бьет немцев наш меньшой брат".

Моторист Дмитрий Кравченко сидит на железной банкетке у рычагов силовой станции.

Кравченке душно, он отбрасывает люк в броне. Под солнечным лучом вспыхивают глаза, глубокие, как небо Украины.

— Эх, когда еще раз поведу трактор по украинской степи, как в былые годы!

Суровый огонь в глазах, следящих за приборами. Вольтаж хороший, энергии хватит.

Погребной, Самегулла Биктеев, напрягая мускулистые руки, поднимает на конвейер полку с лежащим на ней снарядом.

Круглое стальное тело тускло отражает свет. В погребе — так по артиллерийской традиции зовется вагон с комплектом боеприпасов — сумрачно. Снаряды в идеальном порядке лежат на стелажах, заряды — в массивных железных пеналах.

— Как в аптеке, — широко улыбаясь, говорит Биктеев. В своем хозяйстве он ориентируется быстро и ловко. С работой справляется за троих и успевает еще взглянуть как идет дело на соседних постах, подбодрить, помочь.

Мысль о Загуменникове, который был для него старшим товарищем и учителем, не покидает Биктеева ни на минуту.

С этой мыслью он прикасается ладонями к холодной стали снаряда, уносимого рольгангом к выходному люку, прикасается так, словно хочет к его взрывчатой силе прибавить силу своей мести.

Минута за минутой длится огневой налет. Голосом гнева и жгучей злобы к врагу гремит орудие.

Тишина, наступившая после этого грохота, кажется неестественной.

Налет закончен. Команда готовит орудие к уходу с позиции. Командир следит за часовой стрелкой. Он никого не торопит, каждый работает на пределе. Осталось убрать один упор.

Не успеть. Немцы снова начинают „долбить". Михайлов принимает решение:

— Лузенко, Самохин, Смелов — ко мне, остальные — в укрытие.

Старший лейтенант и трое бойцов подняли тяжелый упор и стали прикреплять его к борту.

Снаряды рвались рядом. Воздушная волна сбила смельчаков, их засыпало землей. Стиснув зубы, упрямо продолжали они свою отважную работу.

Михайлов махнул рукой машинисту:

— Давай!

Машинист Иосиф Кушак с предельной скоростью повел состав под огнем.

Когда грохот разрывов смолк, машинист, затормозив состав, высунул голову из люка, чтобы оглянуться назад. Полотна, по которому только что прошли колеса, больше не существовало.

Через несколько часов перед строем артиллеристов Михайлов огласил радиограмму, полученную с борта самолета разведывавшего станцию К. В ней говорилось о том, что наши снаряды нанесли большой ущерб аэродрому противника, отмечено прямое попадание в эшелон, несколько машин с немецкой пехотой смешаны с землей.

ОРЛЫ

ТАНКОВЫЕ экипажи были укомплектованы, но машины задержались в пути с завода. Их ждали со дня на день.

Командир танкистов Николай Куценко находился вместе с бойцами. Это были молодцы — на подбор, статные крепыши, побывавшие не в одном бою и не раз видевшие, как сверкали пятки у „непобедимых" немцев. Куценко называл своих бойцов „орлами".

Танкисты без машин тосковали.

Однажды Куценко пришел из штаба и поднял танкистов „в ружье". Перед строем он сказал:

— Нам поручена ответственная боевая задача. На врага пойдем в пешем строю. Помните, орлы, драться нужно так, точно вы за стальной броней.

Вышли походным строем, с автоматами и винтовками за плечами, в полном снаряжении стрелков-пехотинцев.

Чем ближе подходили к району боевых операций, тем громче становилась скороговорка автоматов, уханье минных разрывов.

Танкисты укрылись в траншеях. Куценко ушел на командный пункт. Он скоро вернулся и собрал командиров взводов.

— Положение серьезное, — говорил бойцам командир. Немцы, шквальным огнем прикрывая путь к своим траншеям, ввели в действие множество огневых точек. Нужно смело двигаться вперед, нарушить немецкие боевые порядки, подавить деятельность их огневых точек. Этого подвига, — закончил Куценко, — командование ждет от нас. Выступаем, орлы, немедленно.

Танкисты направились к переднему краю, и развернувшись, продолжали двигаться под огнем.

За проволочным заграждением Куценко поднялся и крикнул:

— За мной, танкисты! На полный газ!

Он повел бойцов фланговым обхватом на передовой окоп фашистов. Атаку возглавляли автоматчики, слева — командиры танков, сержанты Панявин и Дурниенко, справа — командиры танковых взводов — Шестаков и Николаев. На огонь они отвечали огнем. Они шли, не обращая внимания на свист пуль и разрывы снарядов. Презрение к опасности — в обычае танкистов. Они шли, сметая все на своем пути. Перекрывая нараставший шум боя, гремел призыв командира:

— Вперед, орлы!

Смелость советских воинов грознее стальных гусениц. Немецкий окоп, взятый в тиски, пал под напором отважных танкистов. С хода они бросились на второй окоп и, не дав опомниться фашистам, пригвоздили их к земле каленой сталью штыков. Куценко насчитал около тридцати трупов фашистов.

Позволить себе передышку — значит дать передышку врагу. Танкисты рвались вперед.

К командиру подполз сержант Пашенко. Он показал на березу с черными сухими ветвями. Оттуда била пушка.

— Оформить! — сказал Куценко.

Сержант улыбнулся. Он знал любимую поговорку командира и с шестью автоматчиками двинулся „оформлять" пушку. Когда она замолчала, Куценко сказал одобрительно:

— Правильно действует сержант.

В это же время командир танка Шестаков, заполнив гранатами сумку и карманы, отправился уничтожать пулеметное гнездо.

Поднявшийся грохот возвестил, что бой у огневой точки начался.

Когда дым рассеялся, Куценко увидел как несколько немцев выбежали из-за высоты и напали на Шестакова. Он отбивался. На крики фашистов: „сдавайся", герой ответил пулями.

Шестаков метнул гранату, несколько бандитов свалились на землю. Но это была последняя граната.

Куценко с группой бойцов бежал на выручку товарищу, но было поздно. Плен казался неизбежным. Шестаков гордо выпрямился. Он успел сказать: „смерть лучше плена" и упал, скошенный очередью из вражеского автомата.

Танкисты отбили труп героя. Куценко молча склонился над ним. Через минуту поднял лицо с гневно горящими глазами и сказал:

— Меткою пулей, лихим ударом по фашистам помянем нашего друга.

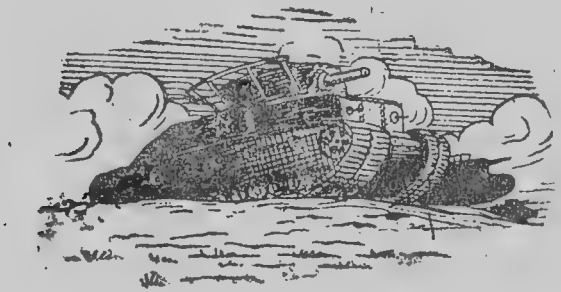
Немцы укрепились за широким сараем, сложенным из замшелых бревен. Куценко пошел вперед с автоматчиками. Он стрелял короткими и верными

очередями. Справа от него строчил автомат командира танка Капустина, слева — автомат башенного стрелка Истомина.

Стремительным натиском танкисты заняли и эту позицию немцев. Но по сараю открыли огонь из соседнего домика. Командир различил шатающуюся доску в мезонинчике с маленьким резным окошком. Он понял, что немецкие автоматчики засели именно там.

— Ну, я их живо оформлю — сказал Куценко, и стал снаряжать связку гранат. В тот же момент он приблизился к домику и взорвал его вместе с фашистами.

В этом бою Куценко был контужен. Он не видел завершения боя. Двое танкистов подняли его на руки и понесли мимо идущих в наступление стрелков, воодушевленных примером отважного командира и его орлов — танкистов.



СЕРЖАНТ КАРПОВ

ПРЕДПРАЗДНИЧНУЮ ночь на 7 ноября бойцы провели в стрелковых ячейках. Еще накануне пополнили боезапасы, проверили ружья, гранаты, пулеметы.

Ночь была беззвездной и мглистой. Только временами скупой лунный свет пробивался сквозь облака и падал на снег, словно плавил его. Тучи шли над землей.

В окопе бойцы вели негромкий разговор.

— Ты где встречал праздник до войны?— спросил Тарасенко Мукозобова.

— В заводском доме культуры,— ответил Мукозобов.— Помолчав, продолжал: ах, брат, и славно же было! Дали нам для праздника лучший зал. Высокий, с мраморной колоннадой... Сколько радости было!

Он еще хотел что-то сказать, но леденящий ветер прервал разговор. Сержант Иван Карпов плотнее запахнул шинель и сказал:

— Вперед смотреть!

Он не любил, когда люди говорят длинно. Сам Карпов был очень молчалив. Но эта молчаливость не отчуждала его от товарищей. Они уважали его обычай много думать, много делать, мало говорить.

Ракеты освещали линию фронта. Со стороны противника часто били пулеметы.

Зубарев с веселой усмешкой обратился к товарищам:

— Что вытворяют фрицы!

— Так это же они с перепугу,— спокойно заметил Егоров.

Бойцы засмеялись.

Обороняя город Ленина — колыбель пролетарской революции,— бойцы встречали Великий Октябрьский праздник в окопе.

На рассвете в окоп пришел командир и сказал, что в Москве выступал товарищ Сталин. Эта весть взволновала бойцов.

Уже совсем рассвело. Днем из окопа выходить опасно,— того и гляди попадешь под немецкую пулю. Раньше ночи газеты не получить. Но один красноармеец вызвался немедленно доставить газету с докладом товарища Сталина.

Его возвращения нетерпеливо ждали. Наконец он появился и протянул газету с портретом любимого вождя.

Долго в окопе шел разговор о докладе товарища Сталина. Иван Карпов молчал и казался даже более обычного углубленным в себя.

Сталинские слова произвели на сержанта неизгладимое впечатление. Он отчетливо видел поднявшуюся над пламенем сражений фигуру человека в серой шинели, видел его пристальный взгляд и седину в усах, и слышал негромкий спокойный голос: „Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат".

В воображении Ивана Карпова фашизм рисовался раздувшейся злой жабой, которая ползет по земле, пятная ее своей холодной кровью и грязью. Чувство омерзения и гнева кипучей волной захлесты-

вало все его существо, внутренний голос твердил настоятельно: „уничтожь гадину".

Крепко вынашивал сержант Карпов эту мысль, искал пути к ее осуществлению и — нашел.

Однажды пошел он за дровами к низенькому домику, стоявшему неподалеку от наших траншей. На всякий случай взял с собою только что полученную снайперскую винтовку.

Поднялся во второй этаж, посмотрел через оптический прицел в сторону немецких землянок и палец его сам лег на спусковой крючок.

Немцы с наглой беспечностью ходили возле своих окопов в полный рост. Карпов во-время опомнился, опустил вниз винтовку: так нельзя, винтовка еще не пристреляна, поспешишь — спугнешь гадов без толку.

Иван Карпов вернулся с дровами, разыскал кусок картона, нарисовал мишень и принялся за пристрелку. Товарищи поняли, что сержант к чему-то готовится, но на все расспросы он отвечал одно:

— Вечером узнаете.

Карпов закончил пристрелку только после того, как посадил пулю на пулю. Затем ушел к домику, а вечером все узнали: сержант уничтожил 12 фашистов. В землянке его встретили поздравлениями. Карпов присел в уголок и принялся чистить винтовку.

Второй и третий день сержант охотился с той же позиции, и с таким же отличным результатом. Но четвертый день едва не закончился трагически. Немцы открыли пулеметный огонь по домику. Потом прямой наводкой начала бить артиллерия. С болью и горечью видели бойцы как земля столбами дыбилась вокруг домика.

Когда канонада затихла, сержант незредимый вернулся в землянку. Товарищи бросились ему навстречу. Он, показал на покрытое пылью лицо:

— Помыться дайте.

Долго в этот вечер говорили о подвиге сержанта Карпова, об опасности, ему угрожавшей, а сам он только и сказал:

— Честь-то мне какую немцы оказали, из пушек палили — по одному... Смешно, право!

Сержант переменил позицию, и продолжал бить фашистов, попрежнему оставаясь неуязвивым. Он был грозой для фашистов: немцы стали прятаться в землянках, ходить, пригибаясь к земле. Но меткая снайперская пуля настигала их, как гром среди ясного неба.

Слава Ивана Карпова росла с каждым боевым днем. И снова задумал сержант большое дело. Однажды, собравшись на „охоту", он взял с собой Мукозобова и Тарасенко. Сержант учил своих товарищей снайперскому искусству. Учил не словами, а примером. Показывал как выбирать позицию, как маскироваться, учил терпению и выдержке. Когда Мукозобов, а за ним и Тарасенко уничтожили по первому гитлеровцу, Карпов радовался этому, как своему собственному успеху.

Свою огневую позицию он превратил в практическую снайперскую школу. Эту школу прошли Зубарев, Егоров, Булгаков, Сарапулов и другие. Все бойцы Карпова открыли счета мести. Отделение заняло первое место в части по истреблению фашистов.

Сержант Карпов получил драгоценный подарок от Военного Совета фронта — именную снайперскую винтовку.

Правительство наградило его орденом Красного Знамени.

Однажды Карпову пришлось выступать с речью на торжественном собрании. Карпов вышел, как и всегда, с неразлучной винтовкой в руках, долго молчал, потом поднял снайперскую винтовку высоко над головой, чтобы все ее хорошо видели и сказал:

— Номер моей винтовки — 139. Постараюсь, чтобы в ближайшее время мой истребительный счет достиг этой цифры.

Сказал и не спеша, под громовые аплодисменты, пошел на место.

Слово свое сержант Иван Карпов сдержал.

ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

„ЗДРАВСТВУЙ отец! Давно я не писал тебе. Может быть ты не считаешь меня уже в живых. Много я тебе горя принес, дорогой старик. Но только пойми: были у меня причины молчать.

В жизни моей произошло тяжелое несчастье. Надя больше не жена мне. Я был в лагере, ждал отправки на фронт, когда узнал недоброе о ней. Надо было посоветоваться с командиром. Но я постыдился, и, обманув часового, ушел из лагеря, чтобы пробраться домой, увидеть Надю.

О чем еще говорить. Я вернулся в лагерь через несколько часов и был сразу же взят под стражу. На следующий день меня судил военный трибунал за самовольную отлучку. Я был лишен звания лейтенанта и приговорен к тюремному заключению.

Из комсомола меня исключили перед судебным заседанием.

Не к чему рассказывать обо всем, что я тогда пережил и передумал. Может быть мне не стоило бы и жить, если бы трибунал не удовлетворил мою просьбу: мне дали возможность в боях искупить вину перед Родиной.

И вот я на фронте...“

* * *

По досчатому настилу землянки простучали поспешные шаги, дежурный крикнул:

— Минеры, на выход, в полном боевом!

Иван Глутов бережно спрятал в карман сложенный вчетверо лист бумаги и стал затягивать ремень с подсумками.

Чтобы преградить наступление немцев, закрывали все дороги и проходы. Взводу минеров было приказано установить противотанковые и противопехотные мины на „нейтральной зоне",— в полосе между нашими окопами и немецкими.

Под покровом темной ночи Глутов благополучно привел бойцов на участок, который надо было минировать. Он хорошо знал этот участок, так как не раз бывал здесь. С фланга должна быть лощинка, в ней удобно заряжать мины.

Расставив бойцов, Глутов вместе с ними принялся за работу. Он любил опасный труд минера. Никто не мог быстрее его поставить мину, никто не умел так искусно замаскировать ее. Он обычно покрывал мину дерном. Через несколько дней трава прорастала и своими корешками пришивала дерн к земле. После этого было уже трудно обнаружить мину.

Мины, заряженные в лощинке, бойцы связывали ремнем попарно, подвешивали их на шею и ползком пробирались в „нейтральную зону".

Минеры работали, как кроты,— беззвучно и быстро. Убедившись, что дело вполне налажено, Иван Глутов подозвал сержанта Дульского:

— Остаешься за меня.

Глутов двинулся вперед, к своему боевому охранению, находившемуся невдалеке от немецких траншей.

С первого же дня своего пребывания на фронте Глутов шел на самые трудные операции. Товарищам он говорил:

— У меня пятно на совести, мне нужно хорошо поработать, чтобы его смыть.

Глутов знал передний край обороны до мельчайших подробностей, он исползал его вдоль и поперек. С замечательной дерзостью, в непосредственной близости от врага установил тысячи мин.

В бою он принял командование взводом и с тех пор бессменно руководил минерами.

Темнота была сплошная, в небе — ни единой звездочки. Глутов залег за мшистой кочкой, положил перед собой ППД и стал всматриваться в немецкие землянки. Его зоркие глаза различили возвышения брустверов. В одном месте временами появлялись искры, они быстро гасли, словно таяли.

„Эге, старик,— мысленно произнес минер,— чуешь ли, где сейчас твой сын?"

Глутов, долгие месяцы не решавшийся писать отцу, в мыслях своих часто беседовал с родным стариком. Он думал о нем в самые трудные минуты, и это прибавляло ему много смелости, силы и решимости.

До войны отец и сын работали на стапелях большого кораблестроительного завода. Однажды, после того как в дыму и пенных брызгах был спущен на воду корабль, строившийся больше года, старик по дороге домой говорил сыну: „Я надеюсь видеть тебя, Иван, коммунистом. Но знай, что большевиком надо быть всей своей кровью, каждым делом и каждой мыслью. Понимаешь ли ты меня, сын?".

Никогда Иван Глутов не забудет того дня.

„Чуешь ли, старик, где сейчас твой сын и какого перца подсыпает он фашистам?"— думал минер, и вдруг, с похолодевшим сердцем приник к земле...

Ночной темноты как не бывало. Все поле залито ослепительно ярким светом. С неба, роняя огненные клубки, спускалась парашютная ракета.

Глутову казалось, что она горит очень долго. Но вот ракета угасла. Несколько минут спустя начал строчить немецкий автоматчик, он бил по минерам разрывными пулями. Опасность была велика.

Глутов пополз вперед на звук выстрелов — прямо к немецким траншеям. Автоматчик прекращал стрельбу — и минер замирал на земле. Автоматчик давал очередь — и минер пользовался мгновением, чтобы незаметно для врага сделать бросок вперед.

Наконец Глутов увидел автоматчика, лежавшего за развалившейся стеной сарая. Минер взял немного в сторону, еще продвинулся вперед и подкрался к немцу сзади.

Следующую очередь Глутов оборвал, схватив гитлеровца за горло.

Немец от неожиданности выронил автомат. Глутов молча показал автоматчику на свой ППД, потом махнул рукой в сторону наших траншей, и гитлеровец покорно пополз впереди Глутова.

Минер сдал пленного командиру ближайшей роты и вернулся к своим бойцам. Сержант Дульский встретил его взволнованно.

— Знаешь, немецкий автоматчик чуть не наделал нам хлопот,— рассказывал сержант,— только недавно замолчал.

— Все-таки замолчал? — сказал Глутов,— вот и хорошо. А много ли еще мин осталось ставить?

— Последние ставим.

— Отлично. Выводи людей.

* * *

Иван продолжал письмо отцу неделю спустя в своей землянке при свете начинавшегося дня.

„Дорогой старик, на фронте, в боях я часто думаю о тебе. Письмо к тебе я начал давно, но послать его решил только тогда, когда искуплю свою вину перед Родиной, и буду иметь право говорить с тобой, как коммунист с коммунистом.

С меня теперь снята судимость, а вчера приняли кандидатом в члены Ленинско-Сталинской партии.

Если бы ты сейчас меня увидел, то наверное не узнал. Лицо у меня стало грубое, черное от солнца и ветра. О Наде я думаю теперь без обиды. Все это кажется очень далеким.

Вот и все. Крепко тебя целую

сын Иван.

Да, тебе наверное будет интересно знать, что на-днях я взял в плен немца".

ШЛИФОВЩИК С „ПНЕВМАТИКИ“

СТРЕЛКИ и пулеметчики младшего лейтенанта Лабахина вступили в бой с врагом, едва успев укрепиться на своем рубеже.

Самая горячая работа пришлась на долю станкистов. Пулеметы грелись от частых очередей, снег под ними растаял до земли.

Левофланговый пулемет младшего сержанта Галюскина вел полуторачасовую дуэль с немецкой огневой точкой. Лабахин пробрался к Галюскину траншеей, вырытой в снегу.

Галюскин делал свое дело спокойно, сосредоточенно. Словно стоит он у маленького „Удмурта“, только что опустил резец на металл и следит, как вьется из-под него длинная, с синим отливом стружка,— вьется и падает на землю. Но теперь не мирный металл падал из-под резца, а смертоносная сталь летела из узкого дула пулемета.

Младший лейтенант Лабахин опустил пониже капюшон маскировочного халата, выдвинулся к занесенному снегом пню и поднес бинокль к глазам. Дымки выстрелов поднимались над пулеметным гнездом немцев. Но вот дымки стали появляться реже, и пулемет начал бить с перерывами, словно захлебываясь. Лабахин оглянулся на Галюскина, точно слившегося со своим

пулеметом в одно целое; немецкий пулеметчик в полукилометре от него обессиливал, истекал кровью. Галюскин спешил стремительным огневым натиском выиграть победу.

Лабахин вернулся к Галюскину. Пулеметчик весело улыбнулся, зубы его сверкнули на смуглом от зимнего загара лице. И опять показалось Лабахину, что это улыбается токарь, только что снявший деталь со станка. Он спросил пулеметчика:

— Откуда вы?

Галюскин поднял светлые добродушные глаза на командира и ответил:

— Я из-под Москвы, на заводе работал.

Младший лейтенант сказал пулеметчику высшую похвалу, какую обычно говорит рабочий рабочему:

— Чисто сделано.

Уже собравшись уходить, Лабахин обернулся к пулеметчику:

— Ну, а я с „Пневматики", шлифовщик.

...Солнце, окруженное тусклым морозным ореолом, стояло в зените. Бойцы Лабахина лежали в снегу. Трудно приходилось, очень трудно. Огонь с обеих сторон не прекращался ни на час.

Младший лейтенант был вместе с бойцами. Он видел суровые лица, сведенные холодом губы, руки с потрескавшейся от мороза кожей. Но он не слышал ни единого слова жалобы. Это были воины, настоящие русские воины: терпеливые в лишениях, не боящиеся ни огня, ни мороза, — потомки героев очаковского штурма и суворовского альпийского перевала, героев бородинской битвы и легендарных сражений за Волочаевку. То были достойные наследники русской воинской доблести, юноши с ленинградских заводов, сту-

денты московских вузов, белорусские трактористы, кировские пчеловоды, рыбаки из Астрахани...

Лабахин ободрял товарищей участливым словом. Мороз покрыл инеем его ресницы и виски. Обледеневшие ворсинки меховой шапки кололи лицо, но он не замечал этого. Он думал об одном: „не замерзла бы смазка в пулеметах и винтовках“...

Вечером Лабахин сообщил бойцам приказ о наступлении. Люди, казалось, забыли о морозе. Каждый проверил боеприпасы и оружие, снял с себя все лишнее, что могло помешать в движении.

Лабахин повел в атаку. Он посмотрел на залегшую за ним цепь. Десятки глаз смотрели на него. Бойцы приготовились к первому броску.

— За мной!

Снег глубок, ползти трудно, проваливаешься, приходится буравить головой снежные валы.

Лабахин встал. Бойцы также быстро поднялись вслед за ним.

— За Ленинград! за Родину, за Сталина! — крикнул младший лейтенант и бросился вперед.

Немцы открыли шквальный огонь. Бойцы, пригибаясь, стремительно бежали на врага.

— Вперед, товарищи! вперед, родные! — кричал Лабахин, задыхаясь от напряженного бега.

Он слышал дыхание бегущих рядом бойцов. Вот и рогатки заграждения, проволока зазвенела под лопатами. Впереди открылись купола вражеских дотов, в них полетели гранаты. Снег вокруг стал черным от земляной пыли, осевшей после взрывов.

Противник ввел в действие всю свою систему огня. С фланга слышалась стрельба автоматчиков. Лабахин пошел на них, разглядел вспышки выстрелов, припал

к земле, прицелился. Он посылал из своего ППД очередь за очередью, стараясь не спешить, чтобы не потерять цель, сливавшуюся со снежным полем.

Бойцы Лабахина продвигались вперед медленно, но неуклонно, преодолевая сосредоточенный на них огонь противника. Немцы, видя, что ружейно-пулеметным огнем наступления не остановить, начали усиленный минометный обстрел. В ответ заговорили наши батареи.

Взорвавшаяся рядом мина свалила Лабахина на снег. Контуженную голову как туманом застлало, но он слышал тревожный голос связного:

— Соседняя рота осталась без командира...

Лабахин, напрягая все силы, поднялся и по цепи передал приказ:

— Слушать команду младшего лейтенанта Лабахина!

Роту повел в бой шлифовщик с „Пневматики".

... Ночью Лабахин писал донесение командиру части. Рядом телефонист пытался растопить печку. В комнате держался почти такой же мороз, как и на улице. Это была единственная уцелевшая комната в доме, разрушенном снарядом.

Мерзла рука, державшая карандаш. Строки получались косые, глубоко вдавленные в бумагу:

„Уничтожено несколько групп автоматчиков противника.

Подавлена минометная батарея.

Уничтожена ДОТ".

Телефонист вызывал командный пункт. Младший лейтенант слышал его простуженный голос:

— „Рязань". Я — „Тамбов".

Лабахин погрузился в раздумье, он подсчитывал, сколько километров отсюда, от этого затерянного в снегах домика до кварталов Васильевского острова. Получалось что-то немного.

„Ничего, — сказал себе младший лейтенант, — мы отодвинем фронтовую линию от нашего города на сотни и тысячи километров". Он продолжал думать о светлых корпусах родного завода, о Васильевском острове, где весной так чувствуется дыхание моря и чайки парят на раскинутых крыльях...

„Кто сейчас на моем станке работает, — думал он, — кто из друзей на фронт ушел?"...

Еще Лабахин думал о том, что принесет наступающее утро?

Впереди были большие бои.

ДВЕ АТАКИ

ГОРЕЧЬ поражения перевернула всю душу Евгения Николаева. Ему казалось, что он может спросить себя словами солдата из романа Барбюса, — словами, сказанными после боя:

— Мне было двадцать лет, сколько мне теперь?

Так тяжело вспоминать о гибели товарищей, с кем он делил и суровый быт в землянке, и опасность в боях, и каждую радость и каждую мысль...

Каким душой-человеком был лейтенант Буторин! Он всегда носил одну и ту же, немного широкую для его юношеских плеч, походную гимнастерку. Ее рукав был пробит двумя пулями, и дырка заштопана неумелым, грубым швом; на гимнастерке алел орден Красного Знамени.

Во всем облике Буторина было что-то отважное, благородное, по-молодому беззаветное. Когда его принимали в партию, он взволнованно говорил товарищам:

„Быть коммунистом — великая честь. В сражении на коммуниста все бойцы смотрят. Где самая большая опасность, где решается успех боя — там должен быть коммунист. Вот как я считаю".

Рота Буторина вела жестокую битву за сильно укрепленный немцами пункт Н. Фашисты ввели в бой

новые резервы, и рота, неся потери, отходила на исходные позиции.

На высоте окопались немецкие автоматчики, сильным огнем они отсекали пути отступления. Смертельная опасность грозила роте.

Буторин сорвал с ремня гранату.

— Коммунисты — за мной! — крикнул он, бросаясь на высоту.

Группа героев приняла на себя весь огонь автоматчиков. Евгений Николаев видел, как Буторин упал навзничь. Николаев бросился к нашему внезапно замолчавшему пулемету. Он перевязал перебитую осколком руку пулеметчика и сам взялся за гашетки.

Николаев прикрывал отход роты до последней возможности. Затем начал сам отходить, тащил за собой пулемет. Только в траншее он заметил, что у него весь рукав пропитан кровью.

В госпитале Николаев страдал не от ран, не от потери крови: мысль о гибели товарищей не давала ему покоя и усиливала злобу к врагу.

Ни о чем, кроме мести, он не думал. По своей гражданской профессии он художник, любил живопись до самозабвения, мог целыми днями находиться в картинных галереях.

А сейчас мысль об искусстве заслонялась другой мыслью: „Глаз художника, умеющий с предельной точностью улавливать человеческие черты, должен с той же профессиональной точностью наводить винтовку на врага".

Пока немецкий сапог попирает землю нашу, пока мы не отомстили за кровь товарищей, нет для нас

радости ни в чем: ни в прекрасной книге, ни в бессмертной картине, ни в глазах любимой девушки.

В свою часть Евгений Николаев вернулся через пару месяцев исхудавшим, молчаливым.

Он встретился с товарищами по землянке и был поражен переменой в них. Бойцы возмужали, окрепли.

И снова рота была брошена в атаку на пункт Н.

Три дня длился бой. Враг исходил кровью, но все еще держался на рубеже. Наши бойцы дрались с мастерством и презрением к опасности, каким обладают закаленные воины.

Коммунисты показывали пример самоотверженного мужества и бесстрашия в бою. Парторг Колобашкин был тяжело ранен: четвертое ранение, полученное им. Но он остался у своего пулемета, честно выполняя боевую задачу. Кандидат партии, командир взвода автоматчиков Зубков, с шестью бойцами атаковал немецкий танк, захватил выгодный рубеж и стойко оборонял его до прибытия нашего подкрепления

Евгений Николаев выдвинулся с наблюдателями непосредственно к немецким траншеям. Он занял позицию в башне разбитого танка.

Вокруг кипело сражение. Николаев, пользуясь тем, что немцы в горячке боя не слышат одиночных выстрелов, хладнокровно выбирал цель и разил врага наповал. Стрелял он со строгим разбором — по офицерам, по автоматчикам. Наблюдатель считал:

— Пулеметчик... солдат... второй пулеметчик...

Немцы открыли сильный огонь по району, где стоял разбитый танк. Умолкла винтовка Николаева. Но как только обстрел прекратился, наблюдатель в башне разбитого танка снова вел счет:

— Офицер... еще офицер... корректировщик... солдат...

Враг не выдержал натиска артиллерии, сосредоточенного огня пехоты и начал откатываться.

Пункт Н. был взят.

Когда бойцы шли по развалинам селения, выбивая из блиндажей последних гитлеровцев, хотелось сказать громко, на весь мир:

— Мы прошли через поражения и неудачи! Кровь товарищей пала нам на сердце! Мы ожесточились! Месть — девиз, начертанный на наших знаменах! Мы научились воевать!

Евгений Николаев в трехдневном бою уничтожил 104 гитлеровцев.

Вечером, на новом рубеже, в землянке читали телеграмму Военного Совета армии, поздравлявшего Евгения Николаева с замечательным боевым успехом.

Кто-то из товарищей, пожимая руку Николаеву, сказал:

— Ты — богатырь. Один сотню врагов уложил. Настоящий богатырь.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Партбилет	3
Фронтовики	6
Боевая ночь	11
Цифры в тетради	14
Форпост	19
Огневой налет	24
Орлы	29
Сержант Карпов	33
Искупление вины	38
Шлифовщик с „Пневматики“	43
Две атаки	48

Редактор *А. В. Костин*

Подписано к печати 26/X 42 г. Объем 3¼ п. л.
Заказ № 1178. М—10884. Тираж 5000.

ЛТ УН-2.

Цена 50 коп.